

Литература

Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике / под ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2003. 317 с.

Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 143 с.

Кусова М. Л. Параметризация в детской речи // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Выпуск 9. Труды Уральского психолингвистического общества. Екатеринбург : ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. С. 26–31.

M. V. Slautina

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

THE PROBLEM OF ACQUIRING THE MEANING OF EQUALITY AND CONTRAST BY PRESCHOOL CHILDREN

The article is devoted to the problem of children's acquisition of lexical meanings. The research is based on nouns, adjectives, verbs that name and characterize a person according to his/her behavior and lifestyle. Special attention is paid to the technique of filling synonymic and antonymic gaps. The study draws its data from a psycholinguistic experiment that consisted in interviewing children aged between 3 and 5 and interpreting the results.

Keywords: children's speech, synonyms, antonyms, synonymic-antonymic complex.

УДК 81'367.7

© О. А. Турбина

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск, Россия

СИСТЕМНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНФИНИТИВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕЧИ

С опорой на теорию и методологический аппарат систематики языка и речевой деятельности (психосистематики) автор выдвигает и анализирует гипотезу генезиса инфинитива в русском языке. В статье показано, что речевые функции и дискурсивные значения инфинитива обусловлены его системным потенциалом, который формируется в процессе развития и категоризации как единицы в парадигме частей речи.

Ключевые слова: генезис инфинитива, имя существительное, глагол, инцидентия, части речи.

Прозвучавшее 50 лет назад из уст известного российского лингвиста В. М. Жирмунского высказывание о том, что «вопрос о частях речи как о классах или разрядах слов — один из наиболее

давних в языкознании; тем не менее он до сих пор не может считаться решенным — ни в смысле их состава, ни в отношении самих принципов классификации» [Жирмунский, с. 7], — до сих пор остается актуальным и в полной мере может быть отнесено к вопросу об инфинитиве как о морфо-синтаксической категории. Размышления о природе, генезисе, морфологии и синтаксических свойствах инфинитива в языках разных типов встречаем на страницах трудов многих отечественных и зарубежных ученых (А. Мейе, Г. Гийома, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, К. Мирчева, Ж. Муанье, В. Н. Ярцевой, В. В. Богданова, Ш. Балли, А. А. Потевни, М. А. Габинского, И. М. Тронского, М. Нунана, Н. Барича, М. М. Гухман, Л. А. Долгополовой, А. С. Кабановой и многих других, без преувеличения — всех ученых, изучающих грамматический строй языка), и хотя исследования ведутся уже давно, по сей день без окончательного ответа остается целый ряд вопросов, особенно вопросов, касающихся *происхождения инфинитива и его речевых свойств*. Это не случайно, поскольку данные темы теснейшим образом взаимосвязаны, и их отношения имеют характер причинно-следственной связи, ибо речевые функции и дискурсивные значения инфинитива обусловлены системным потенциалом, который формируется в процессе его развития и категоризации как единицы в парадигме частей речи, точнее — «частей языка» [Скрелина, с. 177]. Термин не традиционный, но более точно именуемый классы слов, развившиеся в результате языковой категоризации представлений о живой и неживой природе: лицах, предметах, явлениях, действиях, процессах, их свойствах и их отношениях. Но поскольку, говоря сегодня «части речи», лингвисты по сути имеют в виду именно «части языка», отказ от привычного и традиционного со времен Аристотеля термина нецелесообразен.

В данной статье природа и функции инфинитива рассматриваются с позиций систематики языка и речевой деятельности (психосистематики), основателем которой является известный французский лингвист, любимый ученик Антуана Мейе, Гюстав Гийом. Разработанная им концепция фундаментальных принципов (законов) языка, описанные механизмы рече-языковой деятельности (*langage*) и представленная в его трудах теория частей речи позволяют провести анализ основных гипотез генезиса

индоевропейского инфинитива, определившего его развитие и системный потенциал в языках этой языковой макросемьи. Разумеется, в данной статье не ставится столь широкая задача. Ограничимся анализом системного потенциала инфинитива русского языка на основе гипотезы его происхождения.

Во всех известных и наиболее часто цитируемых определениях инфинитива указывается на его «параглагольность», т. е. на нефинитную форму (вербоид) [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 198] и особую синтаксическую функцию: «инфинитив — это глаголоподобная сущность, которая не находится в синтаксических отношениях; т. е. их подлежащие не принимают оформления именительным падежом и не контролируют глагольного согласования (тогда как оно является обычным для подлежащих), они также не могут оформляться родительным падежом. Подлежащие инфинитивов обычно подвергаются кореферентному опущению, подъему или становятся объектами абсолютных оборотов» [Noonan, с. 57].

В психосистематике теория частей речи затрагивает целый ряд очень важных проблем, которые сегодня активно обсуждаются не только лингвистами, но и представителями других т. н. антропологических наук: отношения языка и мышления, формы и материи, системы языка и системы слова; генезис слова как части речи; социальный и психологический компоненты в концептуальной структуре слова; концептуализация мира и т. д. [Скрелина, с. 159]. Язык, по Гийому, занимает ведущее место в системе когнитивной деятельности, определяющей в свою очередь законы языкового представления: формированием языка, его единиц и категорий управляют универсальные формы восприятия. Разные языки на разных этапах существования представляют различные способы их преломления в системе языка. Иными словами, принципы формирования структуры языка, согласно общей когнитивной организации языка и мышления, соответствуют принципам восприятия и представления универсума, которое складывается на основе представления о Пространстве и о Времени. Система концептуализации, охватывающая развертывание языковых единиц, подчинена идее обязательной бинарности, которая объясняется дихотомией мышления, восходящей к дихотомии представления [Турбина, с. 47]. Языковые

сущности (единицы, категории — *êtres de langue*), возникающие в результате антиномичных способов категоризации универсума — по типу *Пространство* и по типу *Время* — не просто сохраняют принцип бинарности, но и *усиливают антиномичность категоризации* по мере развития языков: **имя** и **глагол** представляют собой «полярные» языковые способы категоризации универсума, определяющие языковую репрезентацию и выражение Пространства и Времени. Развитие языковой категоризации универсума идет таким образом, что во всех языках мира «возникает универсальная тенденция к все более и более формальному и категориальному различению имени и глагола» [Гийом, с. 114] (глагол здесь и далее в статье — его финитная форма).

Возможности функционирования слова в речи определяются не только категоризацией во Времени или в Пространстве, но и другими «модусами применения»: категоризацией слова как части речи и формированием объема его системного потенциала прежде всего руководит **механизм инцидентии** [Там же, с. 123], объяснение которого непосредственно связано с понятием об объективном логическом лице. **Объективное логическое лицо** — это языковое воплощение обобщенного представления об окружающем мире, включающем все возможные потенциальные объекты. В языковом представлении оно репрезентируется через 3-е лицо, референция на которое (*опора* — *support*) определяет частичечную категоризацию и возможности актуализации языковой единицы. Логическое лицо — это отсутствующее в речевой ситуации, но неизменно объективно присутствующее в сознании говорящих 3-е лицо; на его фоне в процессе мыслительных операций вычленяется 1-е и 2-е л., обозначающие участников речевого акта. Механизм инцидентии (совпадения) — это динамическое объединение двух составных элементов концептуальной семантической структуры слова — опоры (значение — референт сигнификата, *логическое лицо*) и вклада (обозначение — сингификат). Если вклад и опора совпадают в одном слове, инцидентия определяется как внутренняя; слова с внешней инцидентией получают опору вне своей формы [Турбина, с. 66; Гийом, с. 122–123].

Внутренней инцидентией обладают только *имя существительное* и *инфинитив*, поскольку в своей концептуальной семантической схеме они содержат третье (логическое) лицо. Все остальные части речи определяются в связи с поиском опоры, который завершается при актуализации — в речи: у финитного глагола инцидентия внешняя, у наречия — дважды внешняя, или внешняя в двойной степени.

Какое место в системе частей речи занимает **инфинитив**?

Теория частей речи представлена в психосистематике традиционно — как строящаяся от имени: все части речи происходят от имени существительного [Скрелина, с. 202] как «первичной вокабулы» (*vocabule*), которая в процессе эволюции в силу использования в речи в различных синтаксических функциях «обрастает» формой посредством приращения формантов с грамматическим значением (суффиксов, окончаний), образовавшихся из бывших полнозначных слов. По сути различные части речи — это *результат морфологизации синтагм*: «Из того, однако, что три части индоевропейского слова составляют одно целое (корень, суффикс, окончание. — *O. T.*) и отделимы друг от друга только путем научного анализа, вовсе не следует, что эти части не были в более или менее отдаленном прошлом независимыми друг от друга словами» [Мейе, с. 167]; «В словах объединяются форманты, оставшиеся изолированными, разъединенными на пройденном этапе» [Скрелина, с. 99]. Эта гипотеза согласуется с античной традицией и поддерживается сегодня большинством авторитетных ученых (см, например, работы В. В. Виноградова, А. Ф. Лосева, И. И. Мещанинова и мн. др.). Заметим очень важное свойство частеречных формантов: несмотря на то, что они утратили лексическую семантику бывших самостоятельных слов, от которых произошли, эта семантика составляет их глубинный «археологический» пласт и входит в системный потенциал языковых единиц, который определяет их дискурсивные значения при актуализации в речи. Следовательно, «лингвистика, занимающаяся изучением механизмов построения фразы, речевых структур, должна подчиняться предварительному исследованию структуры потенциальной языковой единицы (слова)» [Там же, с. 100].

На том основании, что концептуальная семантическая схема инфинитива включает объективное логическое лицо, она аналогична концептуальной семантической схеме имени существительного. Г. Гийом называет его *именем действия*, но указывает, что инфинитив не входит в класс имен в силу того, что его категоризацию определяет языковая интерпретация представления о Времени, тогда как класс имен категоризует представление о Пространстве. Однако в системе языка инфинитив, как имя действия, находится в непосредственной близости от имени — на выходе из системы имени. Термин *имя действия* употребляют и другие исследователи, но иногда несколько с иным смыслом: М. А. Габинский, например, *именем действия* называет древнее прединфинитивное существительное [Габинский, с. 75], а *инфинитивом* всякую несинтаксическую глагольную форму, способную к «независимому употреблению» [Там же, с. 29]. В данном определении подмечено важное свойство инфинитива — его синтаксическая свобода от подчинения каким-либо членам предложения, которая объясняется, по-видимому, происхождением от субъектно-предикатной синтагмы. Данная гипотеза находит подтверждение при анализе структуры инфинитива в современном русском языке.

Русский инфинитив имеет структуру: *корень* (+суфф. *-а-, -е-, -и-, -о-, -у-*) + окончание *-ти, -ть*, где корень — первичная вокабула, окончание — образовавшийся из самостоятельного слова формант, суффикс — тематический гласный, определяющийся, вероятно, морфонологическими обстоятельствами. Инфинитив существовал уже в древнерусском языке: «Инфинитив у нас сохранился, произошли лишь некоторые изменения в его форме. В древности инфинитив оканчивался у нас на *-ti*, или на *-ĉi < *-kti*» [Кузнецов, с. 282]. В древнерусском языке, также, как и в современном русском, инфинитив выражал название действия и «по употреблению был близок к существительному», но отличался от последнего тем, что «не имел склонения» [Там же, с. 203].

От какого слова (слов) происходит флексия русского инфинитива?

В системе современного русского языка две единицы категориального уровня — имя существительное и инфинитив, как уже отмечалось выше, — характеризуются внутренней инцидентией,

т. е. содержат в своей семантике 3-е (логическое) лицо. На основании того, что: 1) как первичная вокабула имя старше глагола, 2) инфинитив происходит от имени и как имя действия хронологически является первой единицей в системе глагола, 3) как более поздняя по сравнению с именем единица, подчиняясь универсальным правилам языковой категоризации, и как единица, предназначенная, как заметил еще Аристотель, для выражения Времени, которое человек познает аналитически и позднее, чем Пространство, логично предположить, что инфинитив должен в своей структуре представить эксплицитно те значения, которые в первичной вокабуле (и в современном состоянии существительного многих и.-е. языков) имплицитны. Прежде всего — найти в системе материал для форманта 3-го лица. Для этого лучше всего подходят указательные местоимения, которые индоевропейские языки чаще всего используют при образовании формантов 3-го лица (личных окончаний глаголов, личных и безличных местоимений, артиклей). В древнерусской парадигме склонения указательных местоимений находим формы *тъ* (м. р., ед. ч., им., вин. п.) и *ти* (м. р., мн. ч., им. п.) [Там же, с. 129]:

М.р.

Ед. ч. Мн ч.

И. ть ти

Р. того

Д. тому

В. ть ты

Т. тѣмь

М. томь

Они, предположительно, восходят к супплетивной форме указательного индоевропейского местоимения: **so/*seh*, или в традиционной реконструкции **sā)/*tod* [Красухин, с. 154]. Если структура инфинитива — это морфологизованная предикативная синтагма (клауза), то его постпозитивный к корню формант — это субъект (им. п.), или субъект, мыслящий себя в ряду объектов (вин. п.). Объектное представление субъекта возможно в языках, особенно в древних состояниях, в силу того, что изначально человеку свойственно воспринимать себя частью окружающего мира: «человек мыслит себя принадлежащим миру, из которого он выделился и от которого он отделяется» [Скрелина,

с. 110]. Объектная репрезентация субъекта присуща языкам с эргативным и посессивным строем предложения и может наблюдаться в номинативных языках, например, в современном русском, где распространены предикативные клаузы с дативом: *мне хорошо; вам сегодня дежурить*. Следовательно, можно предположить, что в современном русском языке внутренняя инцидентность в существительном имплицитна, а в инфинитиве — эксплицитна, т. к. входит в семантику его окончаний. Эта гипотеза ставит под сомнение утверждение, что «старославянский инфинитив, как и инфинитив древнерусского языка, по предположению ученых, представляет собой застывшую форму дательного падежа единственного числа древнего отглагольного имени с тематическим суффиксом *ī » [Турбин, Шулежкова, с. 189]. И хотя эта гипотеза поддерживается рядом ученых, к сожалению, она еще более гипотетична, чем представленная в данной статье гипотеза происхождения древнерусского инфинитива, наследником которого является инфинитив в современном русском языке, от предикативной синтагмы или ее речевой формы — клаузы. О дательном же, как этимоне инфинитива, стоит заметить следующее. Вне сомнения, любая падежная форма (как и всякая другая форма слова) синтаксична (по происхождению и по функции). Но как бывшая синтагма она, по логике вещей, должна быть еще более древней, чем протоинфинитивная синтагма индоевропейского праязыка. А чем древней материал, тем он гипотетичней. Поэтому доказать гипотезу генезиса инфинитива от существительного в дательном падеже еще сложнее, т. к. для ее обоснования придется определить происхождение формы датива. Даже если кому-то удастся такой анализ провести, его результаты будут оставаться сомнительными. Заметим, что мудрые ученые, такие, как А. Мейе, не категоричны в своих утверждениях даже в очевидных, на первый взгляд, случаях. Говоря, к примеру, о происхождении личных окончаний глагола от местоимений, А. Мейе отмечает, что «эта гипотеза во всяком случае не может быть доказана» [Мейе, с. 168], имея в виду то обстоятельство, что, работая со столь отдаленным во времени материалом, полученном посредством реконструкции и не имеющим письменных памятников, мы вынуждены опираться на гипотезы, «заклейменные» астерисками.

Согласиться с тем, что «Инфинитив, или неопределенная форма глагола, по своему происхождению является отглагольным именем» [Турбин, Шулежкова, с. 189], также не представляется возможным, поскольку категоризация финитного глагола происходит значительно позднее, чем категоризация существительного, чему есть подтверждение в истории разных и.-е. языков. И тем более, прединфинитивное существительное, от которого произошел инфинитив, наследниками которого являются современные инфинитивы и.-е. языков, не могло быть «отглагольным именем».

Тем не менее, роль датива в генезисе инфинитивов и.-е. языков отрицать нельзя. Не случайно к ней склоняются многие ученые. Однако стоит повторить предположение, что дативная праформа древнего инфинитива (существительное в дательном падеже) значительно старше предикативной синтагмы — праформы современных инфинитивных форм. В разных индоевропейских языках оформление инфинитивов имеет как свои особенности, так и общие тенденции происхождения от предикативных синтагм, которые (или компоненты которых) в свою очередь, возможно, произошли от форм дательного падежа существительного, а те — от еще более древних синтагм. Инфинитив современного русского языка интересен тем, что в его форме эксплицитно представлено 3-е лицо, свидетельствующее о его внутренней инцидентности и, следовательно, о его статусе имени — имени действия. Имя существительное и инфинитив (*любовь*, *любить*) выявляют различные способы представления и категоризации денотата в пространственно-временном континууме: то, что мыслится предметно-образно, выражается посредством существительного, а мыслимое процессуально — инфинитивом, в чем проявляется его принадлежность к классу глаголов, ибо процесс неизменно разворачивается во времени, и именно сема времени, как уже отмечалось, определяет глагол как класс.

Обращаясь к теме речевого потенциала инфинитива, мы подходим к тому, чтобы обратить внимание на «цикличность плана выражения», подчиняющуюся потребности совершенствования средств выражения для прежнего содержания и состоящую в поиске системой языка новых (и опять, и опять новых) способов номинации и категоризации значимых в системе речевой деятельности смыслов

[Гийом, с. 75]. В современных индоевропейских языках (в обозримом временном поле) широко распространены инфинитивные обороты, активно используемые в речи. В их структуре вновь присутствует датив, например, латинский *dativus cum infinitivo* или русские инфинитивные клаузы с субъектом, представленным дательным падежом существительного или местоимения (*Отцу жить бы да жить*). Возможно, что в числе праформ древнерусского инфинитива была и предикативная синтагма с личным местоимением 2-го лица ед. числа в дательном падеже: *Д. тобрь, ти*. Форма которого из местоимений (указательного или личного) одержала победу при колебании узуса в период оформления древнерусского инфинитива, остается с осторожностью предполагать. Вполне допустимо, что оба варианта были активны и на каком-то этапе в силу схожести форм и по принципу аналогии срослись. Можно предположить также, что сращение в формантах инфинитива падежных форм указательного местоимения *ть* и личного местоимения 2-го лица единственного числа *ты* внесло в семантику последнего сему 3-го лица, определив в парадигме личных местоимений и в парадигме глагольного спряжения категоризацию формы 2-го лица ед. числа для выражения значения обобщенного лица.

Таким образом, методологический аппарат психосистематики (теория генезиса частей речи, инцидентный анализ, понятие об объективном логическом лице) позволяют провести объективный анализ гипотезы происхождения инфинитива, определившего его статус в системе языка, и показать, что природа и речевая актуализация инфинитивных клауз с субъектом в дательном падеже в современном русском языке объясняется системным потенциалом инфинитива, сформировавшимся в процессе его происхождения от предикативных синтагм. Гипотеза истории формантов русского инфинитива (*-ть, -ти*) приводит к идее об истоках категории обобщенного лица в русском языке. Разумеется, данные гипотезы требуют тщательной проверки. Но даже в этом случае они останутся по преимуществу в рамках теории, не утратив гипотетичности.

Литература

Габинский М. А. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс : На материале албанского языка. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1967. 280 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М. : Издательская группа «Прогресс», 1992. 224 с.

Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи : На материале языков различных типов. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1968. С. 7–32.

Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание. М. : Академия, 2004. 320 с.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М. : Издательство Московского университета, 1953. 306 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л. : Соцэкгиз, 1938. 512 с.

Скрелина Л. М. Школа Гийома: Психосистематика. М. : Высшая школа, 2009. 367 с.

Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык : учеб. пособие. Изд. 3-е испр. и доп. Магнитогорск : МГПИ, 1999. 240 с.

Турбина О. А. Психосистематика языка и речевой деятельности : курс лекций. Челябинск : Издательство ЮУрГУ, 2007. 93 с.

Noonan M. Complementation // Shopen T. (ed.). Complex Constructions. Cambridge : Cambridge University Press. 1985. P. 42–140.

O. A. Turbina

*South Ural State University (national research university)
Chelyabinsk, Russia*

SYSTEMIC POTENTIAL OF THE INFINITIVE AND ITS ACTUALIZATION IN SPEECH

The author makes and analyses the hypothesis of the infinitive's genesis in the Russian language supported by the theory and methodologies of the psychomechanics of language. The article shows that infinitive's speech functions and discursive meanings are determined by its systemic potential, that is formed in the process of development and categorization as a unit in the parts of speech paradigm.

Keywords: infinitive's genesis, noun, verb, incidentation, parts of speech.